

ФАТАЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ В РАССКАЗЕ В. НАБОКОВА «ВЕСНА В ФИАЛТЕ»

Е. В. Гулевич

Гродненский государственный университет им. Я. Купалы

Поступила в редакцию 10 февраля 2020 г.

Аннотация: цель статьи — выявить фатальные символы, которые вкраплены в общую ткань повествования, сплетаясь в четкий «узор» трагического финала в рассказе В. Набокова «Весна в Фиалте». Сюжет рассказа представлен рядом случайных встреч героев. Одна из таких встреч стала роковой. Внешний уровень повествования не предвещал трагедию. Однако детальный анализ повествовательной ткани текста показывает, что гибель героини предвещают символы, которые намеренно «разбросаны» по всему рассказу. Семантика и траектория их репрезентации в тексте ведут к неминуемости трагического финала.

Результаты исследования могут найти применение при подготовке теоретических и практических курсов по дисциплинам «Русская литература XX века», «Современная американская литература», «Философия литературы», «Интерпретация художественного текста», «Основы литературоведения»; в исследованиях творчества русских писателей-эмигрантов, в дальнейших разысканиях по творчеству В. Набокова.

Ключевые слова: фатализм, символ, мотив, случай, В. Набоков, «Весна в Фиалте».

Abstract: the aim of the article is to reveal the fatal symbols represented in the story «Spring in Fialta» by V. Nabokov. These symbols are inserted in the textual narrative, making distinct «pattern» of a fatal ending. The narrator doesn't underline or emphasize fatal textual details; they don't overshadow the plot components but form their own inner narration layer, and lock into tragic cycle of «occasional» heroes' happiness. The plot of the story is represented by a sequence of random accidental meetings of the main heroes. One of these meetings became final. The plot doesn't omen the future tragedy. At the same time following the story's textual pattern it becomes obvious that heroine's death was foreshowed by the symbols the text is stuffed with. Their representational trajectory leads to inevitability of the tragic ending.

Research results can be applied in the theoretical and practical courses on Russian Literature of the XX century; Modern American Literature; Philosophy of Literature; Literary Text Interpretation; Introduction to Literary theory; in further research works on Russian immigrant writers; in Nabokov studies.

Keywords: fatalism, symbol, motif, chance, V. Nabokov, «Spring in Fialta».

Рассказ Набокова «Весна в Фиалте» написан в 1936 г. во время пребывания писателя в Берлине. Произведение представляет собой «шкатулку» воспоминаний героя, которые дополняют и определяют друг друга, раскрываясь в пределах разрозненных временных и пространственных рамок. Воспоминания главного героя Василия — это узлы прошлого, которые при всей своей обрывочности переплетаются и словно дописывают — пунктирными линиями — события жизни героев. Повествование определяет сюжетная ретроспектива: цепочка прошлых событий разворачивается нелинейно. Более того, начало и окончание рассказа смыкаются, заполняя смысловые пробелы, представленные повествовательной нитью текста. Конец рассказа Набокова и есть тот спусковой курок, который берёт незажившую рану в сердце Василия, и служит отправной точкой для обратного хронологического развертывания событий. Прошлое накрывает

собой настоящее. Гибель героини Нины, т.е. завершение физически осязаемого контакта с возлюбленной, будоражит память и чувства героя. Он пытается восстановить события давно минувшего прошлого и недавних встреч с тем, чтобы понять, «чего от нас хотела судьба, постоянно сводя нас» [1, 432].

Сюжет рассказа «Весна в Фиалте» представлен рядом случайных встреч героев. Одна из таких встреч стала роковой — Нина погибает. Трагедия случилась внезапно, внешний событийный ряд, на первый взгляд, не предвещал несчастье. Однако если проанализировать повествовательную нить текста, становится очевидным, что гибель героини предвещали символы, которые словно «разбросаны» по всему рассказу и ведут к неминуемости трагического финала. В рассказе «чуткому читателю предлагается следовать за писателем по определенному пути, как вешками, отмеченному намеками или вторяющимися мотивами» [2, 23].

Цель статьи — выявить фатальные символы, которые вкраплены в общую ткань повествования,

сплетаясь в четкий «узор» трагического финала, в рассказе В. Набокова «Весна в Фиалте».

Василий знаком с Ниной много лет, однако характер из связи однозначно определить не может: «Всякий раз, когда мы встречались с ней, за все время нашего пятнадцатилетнего... назвать точно не берусь: приятельства? романа?... — она как бы не сразу узнавала меня» [1, 422]. Их встречи всегда были обрывочны — «нагруженные частями <...> несобранных встреч» [1, 424]. Нина «всегда или только что приехала или сейчас уезжала» [1, 425]. Василия притягивала неуловимость Нины. Постоянство — качество, которое сулит надежность, размеренность и уверенность, но именно оно убивает чувства. Нина была воплощением непостоянства. Для героя она всегда была на пороге — новой встречи или скорого расставания. Чувства Василия и Нины сложно определить однозначно. Это была странная привязанность — похожая на первую любовь — нежная, легкая, мимолетная, совсем не та, которая объединяет двух взрослых женатых людей: ни тени укора, раздумий, сомнений. Их чувства чисты и словно незрелы. При этом отношения болезненны. Нина всегда пыталась уйти, как только наступал момент искренней душевной наготы со стороны героя; Василий же всегда оставался в состоянии недосказанности.

Для Василия Нина — неуловимый фантом, который он создал сам в своем сознании. Он пытался ее разгадать, но каждый раз Нина уходила в самый решающий момент — момент объяснения героев — и каждый раз загадка оставалась в сердце Василия, вместе с надеждой на новую встречу. И он задумывался: «неужели была какая-либо возможность жизни моей с Ниной...?» [1, 434]. Их чувства интенсивны в периоды встреч, однако сила их любовного притяжения словно рассеивалась по мере физического отдаления героев. Размышляя о своих отношениях с Ниной, герой убеждает, прежде всего, себя, что внутренне зависим от Нины не был: «вновь и вновь она впопыхах появлялась на полях моей жизни, совершенно не влияя на основной текст» [1, 432]. Но это не так. Что притягивало героя, вероятно, для него самого было не вполне понятно на тот момент. Он постиг это через некоторое время, когда разум занял доминирующую позицию над чувствами, а это случается только тогда, когда чувства превращаются в воспоминания.

До момента последней встречи Василий не мог взять в толк, к чему судьба так настойчиво дарила им встречи, к чему, каждый раз разлучая, сводила снова. В финале рассказа все случайности сплелись в душе героя в единое теплое светлое одухотворенное цельное чувство любви, любви, которая нуждается во взаимности, любви, которая желает пространственной и временной полноты и неделимости. Но этой любви случиться было не суждено.

Их отношения начались с иллюзии — личного восприятия внешнего знака. Герой не мог понять — случайность ли их встречи или предопределенность судьбы? Если случайность, тогда отчего же случайности были так настойчивы? Если случай, который сулил будущее, отчего же тогда так драматичен исход? Уже после гибели Нины Василий пытается осознать случившееся, внимая всем намекам. Василий детально и скрупулезно восстанавливает детали прошлых встреч. Сенсорные детали событий — цвет, запах, форма, мимолетное выражение, жест — провоцируют спонтанные воспоминания. При этом детали внешнего обрамления рассказа, на которые герой не обращал внимания, будучи всецело поглощенным “случайными” встречами, несут тень грядущего расставания. На то, что счастье героев обречено, указывают детали. Так, в самом начале рассказа говорится о «кладбищенском кипарисе» [1, 421], который первым встретил Василия в городе Фиалта. Кипарис — «эмблема смерти и похорон <...>. В христианстве символизирует траур и смерть <...>. Кипарисы — деревья, которые можно часто встретить на кладбищах, потому что они символизируют жизнь души после смерти <...>. Связь кипариса со смертью объясняют многими причинами: темной листвой, тем, что срубленный он больше никогда не даст побегов. Смолу кипариса использовали в смеси с ладаном при бальзамировании <...>. В Крыму считалось, что нацеленные в небо кроны кипариса и можжевельника указывают усопшим кратчайший путь на небо» [3]. Кипарисы издавна считались «погребальными деревьями, символами смерти и перехода души в вечность» [4, 178].

Далее упоминается «расплывчато очерченная гора св. Георгия <...>, теснясь в застывшей карусели своей стойки между оскалом камня в аметистовых кристаллах...» [1, 421]. Примечательно, что на Урале аметист называют «подземной фиалкой» [5], его также именуют «каменной фиалкой» [6]. Аметист называют и «вдовый камень», его носят преждевременно утратившие своих супругов — и вдовы, и вдовцы — как символ вечной любви к своим умершим возлюбленным [7]. Аметист — символ бесконечной и преданной любви, но той, которой больше нет.

Символичен и цвет, который преобладает в рассказе. Название произведения отсылает к фиолетовому цвету: «Я этот городок люблю; потому ли, что во впадине его названия мне слышится сахаристо-сырой запах мелкого, темного, самого мятого из цветов» [1, 421]. Описание дополняет камень аметист и цветы фиалки, которые упоминаются дважды — в начале (в названии города) и в завершении повествования: «Откуда-то появился у нее в руках плотный букет темных, мелких, бескорыстно пахучих фиалок...» [1, 438]. Как известно, фиолетовый цвет не является “чистым” по своей природе, т.к. представляет собой сочетание красного и синего — совершенно проти-

воположных цветов — или синего и черного. Этим предопределена и семантика цвета. Фиолетовый, как правило, означает «траур, страх, печаль подавленного духа, таинственность, старость, угасание жизни, трагизм, болезненность, грустные обстоятельства» и, наравне с этим, «любовную страсть (как было в средневековой Японии)» [8]. С. С. Эйзенштейн писал: «Это вовсе не случайность, что у некоторых народов фиолетовый цвет избран исключительно траурным... Вид этого цвета действует угнетающе, и чувство подавленного духа, вызываемое им, согласуется с печалью подавленного духа» [10, 265]. В рассказе даже в самые интимные моменты уединения героев присутствует едва уловимый оттенок трагической предопределенности отношений Василия и Нины. Так, после уединения героев Василий вышел на балкон, «и пахло с утренней пустой и пасмурной улицы сиреневатой сизостью...» [1, 428].

Символичен образ англичанина, который появляется в рассказе дважды — именно он направляет взгляд Василия, который замечает Нину в начале повествования, он же появляется в финальной сцене повествования, когда герои зашли позавтракать перед роковым отъездом. Его поведение предвещает фатальный исход встречи: «На столике перед ним стоял большой стакан с ярко-алым напитком, бросавшим овальный отсвет на скатерть» [1, 435]. Символически трагическая развязка окончательно подтверждается в финальной сцене в ресторане, когда тот же англичанин «шагнул на подоконник <...> и ловко перевел в коробок ночную бабочку с бобровой спинкой [1, 436]». Как отмечал Г. Барабтарло, «в прозе Набокова образ бабочки маркирует переход в инобытие» [9, 148].

В описаниях присутствует также много желтого цвета. При этом это не естественный солнечный свет, а искусственный давящий желтый. Как известно, «...религиозная символика христианства обозначала золотом и желтым цветом слияние души с богом и одновременно же противоположное ему — духовную измену» [11, 87]. Главные символы несчастья в рассказе также желтого цвета: «лимонно-желтый шарф» и автомобиль, в котором погибнет героиня; ржавый ключ, который заметили герои у своих ног накануне расставания. **В славянской традиции желтый** — это цвет осени, цвет зрелых колосьев и увядающих листьев, но также и цвет болезни, смерти. Кроме того, деталь одежды Нины, когда она стояла, «натянув тень на шее, обвязанной лимонно-желтым шарфом» [1, 422], отсылает к последнему дню жизни А. Дункан, которая за несколько минут до гибели села в гоночный автомобиль, «закинув на плечо конец красной шали с распластавшейся желтой птицей <...> красная шаль <...> спустилась с плеча Айседоры, скользнула за борт машины <...> и вдруг, вмотавшись в колесо, грубо рванула Айседору за горло...» [12, 101–102].

Описание горы св. Георгия, которая, как и многие упомянутые символы, заявлена в завязке рассказа и замыкает финальную встречу расставания, несет художественную отсылку к крохотному островку св. Георгия, который располагается в современной Черногории. Этот остров известен как «остров Мертвых. Много столетий он представлял собой кладбище. Только 150 лет назад на нем перестали хоронить знаменитых капитанов. Кроме кладбища, на острове располагается только бенедиктинское аббатство, окруженное кипарисовой рощей» [4, 265].

Далее по тексту (каждый раз словно невзначай) упоминается «объявление заезжего цирка...» [1, 421], которое присутствует в начале, повторяется в описании стены, на которую упал взгляд главного героя: «объявление цирка, на эту стену наклеенное» [1, 422]. О нем же говорится и после встречи героев, когда они вместе шли по улице, где на афишной доске были «наклеены гусар, укротитель в усах и оранжевый тигр...» [1, 425]. Когда к Василию и Нине присоединился муж Нины, они снова видят цирковое объявление: «Какой чудный индеец!» — вдруг крикнул с неистовым аппетитом Фердинанд <...> указывая на афишу» [1, 431]. Когда герои остались одни незадолго до отъезда героини, они снова «...прошли мимо еще недостроенной <...> белой виллы, на стене которой: опять те же слоны...» [1, 434]. Перед тем как состоялся последний кульминационный разговор героев, они услышали, как «откуда-то издали доносились звуки трубы и цитры <...>. Цирк, видимо, выслал гонцов...» [1, 436]. Так, с каждым новым упоминанием, цирк словно приближается, чтобы в конце желтая машина, в которой находилась Нина, влетела «на полном ходу в фургон бродячего цирка» [1, 438].

На обреченность счастья героев указывает фрагмент последнего свидания, когда они заметили, что «у ног наших валялся ржавый ключ» [1, 437]. Это был ключ от несостоявшейся любви. Примечательно, что ранее также присутствует данный элемент: «А еще через год или два был я по делу в Париже <...> мы опять без сговору столкнулись с ней: собиралась вниз, держала ключ в руке» [1, 427]. На то, что Нина покинет Василия, указывает и мотив движения-разлуки, в частности железной дороги, который проходит главной повествовательной нитью в рассказе: герой приехал экспрессом; Нина «всегда или только что приезжала или сейчас уезжала» [1, 425]. Далее герой видел ее «около вагона парижского экспресса» [1, 426]. «В последний раз — симметрично — на второй от конца странице» [2, 24], когда герои перед расставанием поднялись на «щербатую площадку: отсюда видна была нежно-пепельная гора св. Георгия...; огибая подножие, бежал дымок неуловимого поезда...» [1, 437], снова замыкает картину «единственный кипарис, издали похожий на завернутый черный кончик акварельной кисти» [1, 437]. Более того, новость о гибели Нины Василий узнает из га-

зеты, стоя «на вокзале» [1, 438]. Несмотря на постоянную оживленность и суету, свойственную этому месту, вокзал — это место «публичного одиночества» [2, 24].

С мотивом движения-разлуки связан и сон, который видел Василий. В нем Нина будто бы приехала к герою и «спит мертвым сном, как спят нищие переселенцы на богом забытых вокзалах» [1, 433]. Так, рассказчик «щедро разбрасывает по рассказу косвенные намеки на то, что смерть героини состоится в железнодорожных декорациях» [2, 24]. Представлен феномен *déjà vu*, когда Василий «почему-то оглянулся и как бы увидел то, что действительно произошло через полтора часа: как они втроем усаживались <...>, помахивая мне, прозрачные, как призраки <...>, но на самом деле автомобиль стоял еще неподвижно, гладкий и целый, как яйцо...» [1, 435]. При этом характер гибели Нины отсылает к обстоятельствам смерти героини рассказа Набокова «Возвращение Чорба». Ее смерть так же случайна и нелепа. Она погибает во время медового месяца, случайно дотронувшись до оголенного провода, который вмиг оборвал ее жизнь и ввел Чорба в ступор, из которого ему пришлось выходить, восстанавливая по крупичкам счастье и по минутам приближаться к моменту потери с тем, чтобы физически «*не-ре-жить*» молниеносную случайную трагедию. Гибель Нины так же случайна — столкновение с заезжим цирком. Нине не суждено было погибнуть во время последней прогулки, когда «на стене полуразрушенного дома <...> остались висеть концы какой-то проволоки...» [1, 437]. Ей была предначертана другая, не менее изощренная — по своей случайности — смерть.

Случай настойчиво сводил героев в разных точках мира, сводил тогда, когда они меньше всего этого ожидали; этот же случай разорвал их невидимо-зависимую связь именно в тот момент, когда очертания их чувств начали приобретать телесность, некую чувственную определенность. Во время последней встречи Василий понял, что полюбил Нину. Этим он нарушил привычную неопределенность: «С невыносимой силой я пережил (или так мне кажется теперь) все, что когда-либо было между нами, начиная вот с такого же поцелуя, как этот; и я сказал...: «А что, если я вас люблю?»» [1, 437–438]. Нина «смutilась <...> мы еще постояли у парапета, и все было по-прежнему безнадежно» [1, 438]. Финал рассказа замкнулся в кольцевом сюжете: герои снова видят гору св. Георгия [1, 437], у героини в руках — «откуда-то появился» букет фиалок [1, 438], словно тех, которые упоминаются в начале рассказа. Дважды герой описывает встречу с Ниной в Париже [1, 426; 437], буквально дословно воспроизводя последние совместные счастливые моменты. Замыкает цикл «Нинин последний десятипалый привет» из отдаляющегося желтого автомобиля [1, 435], который стал ответом на приветствие в начале рассказа, ког-

да Нина «вскрикнула, подняв руки, играя всеми десятью пальцами в воздухе» [1, 422].

Таким образом, рассказ «Весна в Фиалте» — квинтэссенция боли упущенных возможностей, несостоявшегося счастья с женщиной, которая всегда появлялась внезапно и также внезапно исчезала, чтобы появиться снова. Но однажды она ушла навсегда. Это случилось именно в тот момент, который подарил осознание счастья, момент, который смотрел в будущее и требовал неперенной скорой встречи и постоянства чувств, встречи, которая, по воле рока или случайности, не наступила для героев никогда. Герой пытается выстроить цепочку стечений обстоятельств, случайных встреч, которые ворвались в его жизнь, подчинили своей воле, дали возможность познать любовь — так неожиданно и, казалось, не к месту — а затем так просто лишили его самого дорогого. Боль непонимания случившегося, неспособности принять смерть возлюбленной разрывает душу героя. Размышления героя, ретроспективно раскручивающиеся словно по спирали, — это попытка осознать случившееся, освободиться от прошлого, чтобы жить дальше. У героев есть прошлое, потребленное настоящее и несбывшееся завтра, которое волнует память, врывается в сознание и требует ответа, чтобы погаснуть, обратившись в воспоминание. При этом многочисленные символы (природа, цвет, предметный мир), «разбросанные» по тексту, фатальны. Они пунктирными нитями пронизывают внутреннюю ткань повествования, четко прочеркивая неотвратимую драму судеб главных героев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Набоков В. В. Полное собрание рассказов / В. В. Набоков. — СПб.: Азбука, 2014. — 752 с.
2. Лекманов О. А. Внимательному читателю рассказа В. В. Набокова «Весна в Фиалте» / О. А. Лекманов // Русская речь. — № 2. — 2003. — С. 22–26.
3. Кипарис. — [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.symbolarium.ru/index.php/http>.
4. Раскина Е. Ю. Черногория. Горы в зеркале Адриатики / Е. Ю. Раскина, М. В. Кожемякин. — М.: Вече, 2013. — 304 с.
5. Камень аметист. — [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sigils.ru/guards/amethyst.html>.
6. Символика аметиста. — [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.astroland.ru/stone/amet.htm>.
7. Аметист. — [Электронный ресурс] — 2018. Режим доступа: <http://fortunagid.com/samocvety/kamen-ametist-magicheskie-svoystva-foto>.
8. Фиолетовый цвет. — [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://mironovacolor.org/theory/humans_and_color/symbolism/.
9. Барабтарло Г. А. Сочинение Набокова / Г. А. Барабтарло. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. — 457 с.
10. Нордау М. Вырождение / М. Нордау. — М.: Республика, 1995. — 400 с.

11. Portal F. Des Couleurs symboliques dans l'Antiquite, le Moyen-age et les temps moderns / F. Portal.— Paris, Niclaus, 1957.— 193 p.

Гродненский государственный университет им. Я. Купалы

*Гулевич Е. В., кандидат филологических наук, доцент
кафедры перевода и межкультурной коммуникации
E-mail: 2001KG@mail.ru*

12. Шейдер И. И. Встречи с Есениным. Воспоминания / И. И. Шейдер.— М.: Сов. Россия, 1965.— 238 с.

*Yanka Kupala State University of Grodno
Hulevich A., Associate Professor, Department of Translation
and Intercultural Communication
E-mail: 2001KG@mail.ru*